

Владимир Путин опубликовал последнюю в предвыборной гонке статью – о внешней политике. Из представленного текста с очевидностью проистекает одно: Россия при Путине проводит чудовищно архаичную внешнюю политику, и скорых перемен нам ожидать не стоит.

Смелому боевому запеву статьи могли бы позавидовать лучшие публицисты. Вступительные параграфы статьи – настоящий гимн открытости. Свежо и смело звучит заявка на отказ от конфронтации.

Однако следующий же параграф хлестко приводит размечтавшегося читателя в чувство. Ожидания обмануты, мечты рассеяны: нет ни открытости, ни солидарности. Зато есть прямой вопрос «Кто подрывает доверие?» и несколько немых из того же арсенала: «Кто виноват?» и «Где предатели?»

Никогда еще с такой очевидностью Путин не раскрывал своих внутренних страхов, как в этой статье. Вмешательство во внутренние дела извне по гуманитарным причинам – таков главный ночной кошмар наиболее влиятельного человека страны. И никогда еще с таким цинизмом не отзывался он о человеческой жизни, как в этой статье, заявив, что, «когда при нарушении прав человека легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне и на выборочной основе [-] речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии». Истинные приоритеты лица, претендующего на третий президентский срок в России, проявляются как на черно-белой фотографии.

События на Ближнем Востоке всецело захватили внимание премьера. Складывается впечатление, что нет для России вопросов более важных, чем исход внутреннего конфликта в Сирии. Будто у нас самих дом – полная чаша, и не нужны нам ни иностранные инвестиции, ни внешние рынки, ни соотечественники.

Активность Запада на Ближнем Востоке заставляет автора нервничать по двум причинам. Во-первых, все происходящее в Сирии, а до этого – в Северной Африке человек примеряет на себя: что будет, если непредсказуемый российский народ выйдет на улицы и потребует уйти в политическое небытие, а «враждебный» Запад его поддержит? Во-вторых, дела на Ближнем Востоке так волнуют Путина потому, что

обнажают почти полную несостоятельность его внешней политики.

Давайте беспристрастно взглянем на внешнеполитические итоги его правления. За 10 лет Россия оказалась бессильна сдержать расширение НАТО, которого «громко» боялась с окончания холодной войны- испортила отношения с ближайшими и наиболее дружественными россиянам народами Украины, Грузии, Молдавии- превратилась в сырьевой и политический придаток Китая, с которым она по условиям подписанного в начале 2000-х годов договора обязана согласовывать все шаги во внешней политике- растеряла всех союзников.

Сирия, Венесуэла и далее по позорному списку так называемых друзей России – последние бастионы того мифа о «великой мировой державе», которым Путин кормит граждан более 10 лет.

Больно признавать, но в последнее десятилетие Россия неизменно оказывается на неправильной стороне истории. В борьбе между властью и народом мы без колебаний занимаем сторону власти: так было во время оранжевой революции в Украине, революции роз в Грузии, восстания против диктатуры Муаммара Каддафи, в борьбе части сирийцев за отставку наследного правителя Башара Асада. Откуда, спрашивается, уверенность в том, что везде народ глубоко не прав? Откуда, спрашивается, уверенность в том, что власть всегда безгрешна? Известно, откуда – по себе судит.

Складывается впечатление, что так называемая российская элита массово прогуливала в школе уроки истории, на которых рассказывали о революциях и решающей роли народных масс. В политическом коде премьер-министра народ априори антагонистичен власти, а еще опасен, непредсказуем и легко манипулируем. Стоит ли удивляться, что этот подход слепо экстраполируется на внешнюю политику: власть должно поддерживать, потому что она – сила, а фактор народного протеста надо игнорировать, отторгать или девальвировать обвинениями в пособничестве внешним врагам, раскачивающим лодку.

Внешняя политика при Путине не просто архаична, она ретроградна. Россия игнорирует кричащие реалии современного мира: гражданский запрос на свободу и достоинство, прорастание внутренней и внешней политики друг в друга, назревший запрос на коренную реформу международных институтов и права. Современная Россия проводит

внешнюю политику образца XIX века.

Впрочем, отрадно, что знания Путина в сфере внешней политики и соответственно его лексикон обогатились понятием «мягкая сила», которое было введено в оборот Джозефом Наем-младшим за год до распада СССР. Однако вызывает недоумение та категоричность, с которой он рассуждает о «противоправных инструментах» «мягкой силы». «Мягкая сила», отмечает он сам, не предполагает использования оружия, исключает незаконную деятельность вроде поддержки террористов или предоставления территории для подготовки восстаний в других государствах. Что же в ней противоправного? Очевидно, Facebook, Twitter и Майкл Макфол, встречающийся с российской оппозицией. Так договаривайте, Владимир Путин, ведь «Россия же всегда будет называть вещи своими именами»: запретите – и дело с концом?

Конфронтационность пронизывает каждую строчку статьи. Автор как будто затягивает на шее читателей враждебную петлю, сужает кольцо врагов, создает ощущение безвыходности. Даже общие с США и Европой задачи – денуклеаризация Корейского полуострова и решение ядерной проблемы в Иране – премьер-министр обращает в конфликт. Вместо новых инициатив, которых Россия не выдвигала лет 20, Путин задумывается «о том, как возникают риски распространения ядерного оружия – и кто их усиливает». Если Запад – «на грани истерики» от поведения России, то чем является бесконечный поиск врагов и предателей, как не паранойей? Страх становится главным инструментом воздействия на общество. Только этот прием сегодня вызывает лишь смех. Российское общество перестало бояться, и тому, кто это не понял, стоило взглянуть на Садовое кольцо в Москве 26 февраля сего года.

Продолжение темы